

Бенефис «скуучающего дирижера»

ВИВАТ МАЭСТРО!

Об искусстве дирижера Мурада Аннамамедова, которому исполняется сегодня 50 лет, сказано много. Но нашему корреспонденту в канун бенефиса маэстро выпал нечаянный шанс не только слышать, но и видеть с близкого расстояния его непревзойденное мастерство чтения партитур и владения всеми красками оркестра.

Британское телевидение записывало в Собиновском зале юбилейный концерт, дело дошло до съемок крупных планов — для этого устроили специальную репетицию. Дирижеру пришлось одновременно вести оркестр и управлять нанятыми в Москве операторами с одинаковым именем — Алексей.

Прожектор из глубины сцены светил прямо в лицо маэстро, операторы снимали крупные планы с пульта, впритык к дирижерскому локтю. Но Аннамамедов всем руководил с вдохновенной непринужденностью Феллини:

— Значит, так, Алеша, первый берет альты, второй — контрабасистов. Готовы? Можно? Играем! Сосредоточенно!

Через короткую, в несколько мгновений, паузу:

— Теперь снимаем четырех тромбонистов и еще возьмите во-он того колоритного парня с тубой в руках. В нашем распоряжении 18 секунд. Поехали.

Хлесткий удар палочкой по крышке пульта:

— Стоп, снято, всем спасибо...

О самом главном в своей жизни маэстро говорит:

— Бог, родина, мама, любовь.

Но разговор у него дома на кухне начали мы не с этого. Первым делом захотелось услышать о такой сенсационной новости: незадолго до своей сегодняшней круглой даты он закончил книгу под названием «Записки скуучающего дирижера».

— Не очередную ли утку про вас, Мурад Атаевич, пустили по свету?

— Есть такие «записки». Пока что они у меня в компьютере.

— Это вы-то, играющий по новой программе почти каждую субботу, скуучающий? Или это слово надо брать в кавычки?

— Не надо кавычек. Я вам больше скажу: у книги есть подзаголовок — «Записки сумасшедшего». В книге как бы мои зарисовки с натуры. И там нет ничего, кроме правды. Все имена, факты, даты реальные. Некоторые сюжеты изложены в весельчаковом стиле, это так.

некто многозначительно и с явным пиететом ко мне интересуется: мол, знаю ли я, что новый спектакль в Волковском театре ставит режиссер Мамедов.

— А вы?

— Видел афиши, говорю, но и что из этого? А то, продолжал прикалываться остро слов, известно ли вам, чем Мамедов отличается от Аннамамедова? Нахожу ответ под стать вопросу — на грани фола. Говорю: они, наверное, ничем не отличаются. За исключением того, что Мамедову в отличие от Аннамамедова, вы же видите, сделано «обрезание». Таких сюжетов набралось на целую книгу.

— А ежели кто-то, узнав себя среди ваших персонажей, телегу на автора покатит?

— Вот тогда-то я и скажу ему: внимательно читайте обложку, это же «Записки сумасшедшего», чего обижаться-то?

— Но все-таки отчего вы такой скуучающий?

— Давайте повеселим читателей еще, на то и бенефис. Тешу себя надеждой, что за десять лет жизни оркестра устаканилась. Каждый знает, чем заниматься, и нет нужды документировать музыкантам назойливым контролем. За что я им от души благодарен. И в каком-то смысле Сидишь в кабинете эдаким чистоплюйчиком, а все вокруг тебя само крутится-вертится.

— И сколько же концертов в год «со скуки» играете лично вы?

— По контракту должен десять. В среднем получается двадцать пять. В прошлом сезоне получилось даже тридцать два, половина всей программы.

— А кто занимается квартирами, лекарствами, инструментами для музыкантов?..

— ...Устройством детей в детские сады и школы, отсрочками молодежи от армии? То мои заботы. Жизнь руководителя оркестра в России на три четверти — самый кондовый быт, чтобы все знали.

— А генеральный спонсор у такого хорошего оркестра, как ваш, имеется?

— Имеется. Российское госу-

смотрю, этой голубой мути верите. Разочарую тех, кто клюнул на удочку. Бизнесом вообще не занимаюсь и никогда не занимался. Стараюсь не тратить время на нелюбимые дела.

— Но слухи-то идут, будто они неладны.

— Объясню, откуда они берутся. Обман зрения получился, видимо, от того, что я бизнесу способствовал. Рассыпался один, поначалу довольно успешный, банк. Банкир-неудачник, мой знакомый, пришел ко мне и тоном погорельца попросил: отрекитесь от меня кому-нибудь, а то плохо дело. Я его спрашиваю: а что ты предлагаешь? Есть идея, отвечает, некоего профильного банка. Можно объединить под его крышей нашу нефтехимию. Я отвез «погорельца» к одному крупному руководителю. Послушай, прошу его, этот человек тебе кое-что хорошее расскажет. Хозяин кабинета изобразил сперва кислую мину, газету при гостях читать стал. А выслушав, оживился: мол, про-

— В повседневном вашем кругу общения бизнесмены наверняка есть.

— Для меня бизнесмен, крупный или мелкий, не больше и не меньше любого крупного или мелкого артиста оркестра, например. Или вообще любого прохожего. Таков для меня любой представитель власти или деловой человек. Если же он меня «зацепит» талантом, интеллектом или интересными идеями, только в этом случае он войдет в круг моего общения. А попавших в так называемую элиту глупцов, ворисшек, неучей я, простите, просто в упор не вижу.

— Как-то великий Мравинский горько пошутил: у молодых дирижеров «спина не в порядке» — слишком часто приходится им кланяться в жизни. Что на это скажете?

— Кокетничать не собираюсь. И у меня плохо со спиной, но я этого не скрываю. Что поделать, приходится кланяться, пригибаться, на войне как на войне. Но ведь не для себя же стараюсь. За десять лет я при-

скаются. Я в порядке, я никому ничего не должен. Кроме своих кумиров, учителей, матушки моей, которая давно на небесах. Но то долги моей совести и касаются только меня одного.

— В последнем выпуске «Оркестровой ямы» Артема Варгафтика по ящику опять говорили об искусстве дирижера, вернее, о его профессии. Тема обсуждалась такая: «укротитель оркестра». Это, случайно, не про вас?

— Случайно, и про меня тоже, как ни странно. Но не потому, что иной дирижер назначен командиром. Вопрос совсем в другом. В оркестре всегда, как сказал поэт, «характеры шумят, как лес». Это средоточие темпераментов, вкусов, амбиций, личных пристрастий, сиюминутных настроений, каких-то нестыковок, кстате, совершенно естественных. Я уж не говорю о том, что всяк слышит музыку по-своему, что тоже нормально. Если кто-то

тут такого — бить колотушкой по котлу. А Попов, бывает, так ударит, что поневоле заслушаешься. Я в творческих вопросах убежденный демократ, а никакой не укротитель. Но боже упаси, если я использую свою власть во зло людям.

— Десять лет назад в своей «тронной речи» вы сказали: революции в ярославском оркестре не будет. Но приглядываюсь к вашему так пока и не осуществленному проекту новой филармонии, «Симфонических собраний», — он столь радикален, что хочется усомниться: такой ли уж вы противник революционных преобразований? Вы что, так изменились за это время?

— Нет, не изменился. Может быть, речь должна идти просто о моем темпераменте, а без него вообще хорошего дирижера быть не может. Не имею в виду громкие разговоры, бурные жесты, вылезание из фрака. В едином темпераменте,

тут такого — бить колотушкой по котлу. А Попов, бывает, так ударит, что поневоле заслушаешься. Я в творческих вопросах убежденный демократ, а никакой не укротитель. Но боже упаси, если я использую свою власть во зло людям.

— Десять лет назад в своей «тронной речи» вы сказали: революции в ярославском оркестре не будет. Но приглядываюсь к вашему так пока и не осуществленному проекту новой филармонии, «Симфонических собраний», — он столь радикален, что хочется усомниться: такой ли уж вы противник революционных преобразований? Вы что, так изменились за это время?

— Нет, не изменился. Может быть, речь должна идти просто о моем темпераменте, а без него вообще хорошего дирижера быть не может. Не имею в виду громкие разговоры, бурные жесты, вылезание из фрака. В едином темпераменте,

ру: революции не ждите, будет эволюция. Она и происходит. Не помню ни одного случая, когда бы против «несправедливости» поднялся «незаконно уволенный» пенсионер или какой-нибудь не в меру возмущенный о себе недоучка.

— Но ведь увольнять все равно приходилось?

— Да, но как это делалось? Вот случай с великим российским литавристом Иваном Ефремовым. Я и сейчас убежден, что по красоте звука нет ему равных.

— А почему же тогда уволили?

— Он просто потерял форму. И об этом пришлось ему сказать начистоту. Был между нами сердечный прощальный разговор, мы при худсовате обнялись. Уходить Ивану Никитичу было тяжело, но я, как руководитель, считал своей обязанностью смягчить драму, чтобы на его высокое музыкантское имя не упала тень.

— А чем кончился недавний конфликт с новым директором филармонии Леонидом Фрадковым?

— Дело не в том, что мне не понравились какие-то его действия — человек он талантливый и все понимающий. Сегодня для меня Ярославская филармония — понятие, мягко говоря, виртуальное. Но давайте продолжим этот разговор после бенефиса...

— Заметили ли вы, маэстро, что зал нашей филармонии мало-помалу стареет, сиден в нем на концертах от сезона к сезону все больше?

— Заметил.

— Что делать, чтобы молодежь пошла?

— Нужен какой-то «ключ».

— Вы знаете какой?

— Знаю. В Москве живет, учится в консерватории блестящий молодой дирижер Вячеслав Валеев. Я ему сказал: буди тебя приглашать в Ярославль, только ты придумай что-то для молодежи. И он придумал. Договорились с ним для начала устроить цикл симфонических концертов, строго академических по форме, но с программой из классики поп-музыки: битлов, Меркьюри, «Пинк Флойд». За пультом будут только молодые дирижеры. Дадим первый наш звонок студентам, старшеклассникам, а дальше посмотрим.

— О личном, семейном поговорим?

— Охотно.

— Несколько слов о вашей матушке...

— Бывая в Москве, стараюсь приехать к знаменитому фонтану «Дружба» на ВВЦ.

Ее в свое время, тринадцатилетнюю девчужку-детдомовку, заметил в Ашхабаде легендарный педагог Нейгауз. Сказал, что ей надо серьезно учиться.

Она последовала совету. Что сперва получилось из этого сюжета для небольшого рассказа. Но все обошлось благополучно. Я родился в Москве, и будущий мой горячо любимый учитель Рождественский в детстве для меня был «дядя Геня». Я туркмен по национальности, но я русский дирижер. Родина для меня — Россия и Туркменистан, но это понятие прежде всего духовное. Вот перстень, он перед вами. На нем гравировка: моя монограмма и две цитаты: из Второй симфонии Рахманинова и из Первой — туркменского классика Мухатова, все мои дирижерские дебюты были когда-то в его программах. Теперь понимаете, почему оба сочинения я выбрал для юбилейного концерта?

— О вашей семье можно пару слов?

— Дочь от первого брака Ханна живет в Англии, закончила университет в Сассексе, по профессии она банковский служащий. Средний сын Тимур — воспитанник юрфака Ярославского государственного университета, ее коллега. Младшая дочка Лада — десятиклассница. Все, слава богу, живут с музыкой в душе.

Супруга Валерия музыковед. В старой квартире в Саратове вместо кровати была раскладушка, роль стола исполняла табуретка, стульями служили коробки с книгами и партитурами. Валерия сказала: даю нам неделю, чтобы привести все в порядок. Сие было неукоснительно выполнено. Я к тому, что любовь — великая сила. Сегодняшний более-менее налаженный быт моей семьи целиком и полностью заслуга жены. Убежден, что на ее любви и вере держатся стены в нашей новой квартире.

Под конец встречи Мурад Атаевич, будто с тенью на лице, поведал такую историю. 6 января, сочельник, 16-00. Закончена одна из заключительных репетиций к юбилейному концерту, отложена в сторону партитура Первой симфонии Вели Мухатова. Невольно подумалось: как было бы хорошо послать автору кассету с записью ярославской премьеры, порадовать престарелого композитора, тяжелобольного человека.

На другое утро Аннамамедову позвонили из Туркмении: в четыре часа дня шестого января Вели Мухатов ушел из жизни. Перед смертью мудрый Вели дал наказ: «Пусть Мурад

жизни маэстро говорит:

— Бог, родина, мама, любовь.

— Но разговор у него дома на кухне начали мы не с этого. Первым делом захотелось услышать о такой сенсационной новости: незадолго до своей сегодняшней круглой даты он закончил книгу под названием «Записки скучающего дирижера».

— Не очередную ли утку про вас, Мурад Атаевич, пустили по свету?

— Есть такие «записки». Пока что они у меня в компьютере.

— Это вы-то, играющий по новой программе почти каждую субботу, скучающий? Или это слово надо брать в авычки?

— Не надо кавычек. Я вам больше скажу: у книги есть одзаголовок — «Записки суасшедшего». В книге как бы ни зарисовки с натуры. И там нет ничего, кроме правды. Все имена, факты, даты реальные. Некоторые сюжеты изложены в «весельчаковом» стиле, это так.

— Пример приведете?

— Девяносто четвертый год, только что приехал в Ярославль, принял оркестр, и мои новые знакомые выводят меня в свет. Сидим в компании в ресторане. В разгар застолья

канилась. Каждый знает, чем заниматься, и нет нужды докучать музыкантам назойливым контролем. За что я им от души благодарен. И в каком-то смысле мне действительно скучно. Сидишь в кабинете эдаким чистоплюйчиком, а все вокруг тебя само крутится-вертится.

— И сколько же концертов в год «со скуки» играете лично вы?

— По контракту должен десять. В среднем получается двадцать пять. В прошлом сезоне получилось даже тридцать два, половина всей программы.

— А кто занимается квартирами, лекарствами, инструментами для музыкантов?..

— ...Устройством детей в детские сады и школы, отсрочками молодежи от армии? То мои заботы. Жизнь руководителя оркестра в России на три четверти — самый кондовый быт, чтобы все знали.

— А генеральный спонсор у такого хорошего оркестра, как ваш, имеется?

— Имеется. Российское государство. В лице губернатора Анатолия Ивановича Лисицына.

— Да, говорят, вы и сами большой бизнесмен...

— ...И якобы в Москве мне принадлежит целая сеть магазинов и ресторанов? Вы тоже,

смотрю, этой голубой мути верите. Разочарую тех, кто клюнул на удочку. Бизнесом вообще не занимаюсь и никогда не занимался. Стараюсь не тратить время на нелюбимые дела.

— Но слухи-то идут, будто они неладны.

— Объясню, откуда они берутся. Обман зрения получился, видимо, от того, что я бизнесу способствовал. Рассыпался один, поначалу довольно успешный, банк. Банкир-неудачник, мой знакомый, пришел ко мне и тоном погорельца попросил: отрекомендуй меня кому-нибудь, а то плохо дело. Я его спрашиваю: а что ты предлагаешь? Есть идея, отвечает, некоего профильного банка. Можно объединить под его крышей нашу нефтехимию. Я отвез «погорельца» к одному крупному руководителю. Послушай, прошу его, этот человек тебе кое-что хорошее расскажет. Хозяин кабинета изобразил сперва кислую мину, газету при гостях читать стал. А выслушав, оживился: мол, профильный банк — что-то новенькое для России, надо в Москву ехать. Так появился в нашем городе новый банк, сегодня он процветает. Банкир был туда переведен со всей своей командой в полсотни человек.

— В повседневном вашем кругу общения бизнесмены наверхья есть.

— Для меня бизнесмен, крупный или мелкий, не больше и не меньше любого крупного или мелкого артиста оркестра, например. Или вообще любого прохожего. Таков для меня любой представитель власти или деловой человек. Если же он меня «зацепит» талантом, интеллектом или интересными идеями, только в этом случае он войдет в круг моего общения. А попавших в так называемую элиту глупцов, ворюшек, неучей я, простите, просто в упор не вижу.

— Как-то великий Мравинский горько пошутил: у молодых дирижеров «спина не в порядке» — слишком часто приходится им кланяться в жизни. Что на это скажете?

— Кокетничать не собираюсь. И у меня плохо со спиной, но я этого не скрываю. Что поделать, приходится кланяться, пригибаться, на войне как на войне. Но ведь не для себя же стараюсь. За десять лет я принял в оркестр 58 музыкантов, обновив его состав процентов на 60. И каждого предстояло мало-мальски устроить на новом месте. Поневолу спина-то станет г-образной. Только пусть сильные мира сего не оболь-

На супруге Валерии держатся стены в квартире маэстро.

щуются. Я в порядке, я никому ничего не должен. Кроме своих кумиров, учителей, матушки моей, которая давно на небесах. Но то долги моей совести и касаются только меня одного.

— В последнем выпуске «Оркестровой ямы» Артема Варгафтика по ящику опять говорили об искусстве дирижера, вернее, о его профессии. Тема обсуждалась такая: «укротитель оркестра». Это, случайно, не про вас?

— Случайно, и про меня тоже, как ни странно. Но не потому, что иной дирижер назначен командиром. Вопрос совсем в другом. В оркестре всегда, как сказал поэт, «характеры шумят, как лес». Это средоточие темпераментов, вкусов, амбиций, личных пристрастий, сиюминутных настроений, каких-то нестыковок, к стати, совершенно естественных. Я уж не говорю о том, что всяк слышит музыку по-своему, что тоже нормально. Если кто-то предложит нечто такое, о чем хочется сказать: «даже так?», то я услышанное принимаю. В нашем оркестре много талантливых людей. Есть у нас музыкант от Бога — литаврист Владимир Попов. Казалось бы, что

тут такого — бить колотушкой по котлу. А Попов, бывает, так ударит, что поневоле заслушаешься. Я в творческих вопросах убежденный демократ, а никакой ни укротитель. Но боже упаси, если я использую свою власть во зло людям.

— Десять лет назад в своей «тронной речи» вы сказали: революции в ярославском оркестре не будет. Но приглядываюсь к вашему так пока и не осуществленному проекту новой филармонии, «Симфонических собраний», — он столь радикален, что хочется усомниться: такой ли уж вы противник революционных преобразований? Вы что, так изменились за это время?

— Нет, не изменился. Может быть, речь должна идти просто о моем темпераменте, а без него вообще хорошего дирижера быть не может. Не имею в виду громкие разговоры, бурные жесты, вылезание из фрака. В едином темпераменте, чувствую по себе, могут сочетаться «шепот, робкое дыхание» и — бури, вплоть до цунами. Считаю себя человеком вполне темпераментным, но десять лет назад я действительно обещал своему оркест-

дин в нем на концертах от сезона к сезону все больше?

— Заметил.

— Что делать, чтобы молодежь пошла?

— Нужен какой-то «ключ».

— Вы знаете какой?

— Знаю. В Москве живет, учится в консерватории блестящий молодой дирижер Вячеслав Валеев. Я ему сказал: буду тебя приглашать в Ярославль, только ты придумай что-то для молодежи. И он придумал. Договорились с ним для начала устроить цикл симфонических концертов, строго академических по форме, но с программой из классики попмузыки: битлов, Меркьюри, «Пинк Флойда». За пультом будут только молодые дирижеры. Дадим первый наш звонок студентам, старшеклассникам, а дальше посмотрим.

— О личном, семейном поговорим?

— Охотно.

— Несколько слов о вашей матушке...

— Бывая в Москве, стараюсь приехать к знаменитому фонтану «Дружба» на ВВЦ. Молча стою перед скульптурой красивой туркменки. Это моя мама. Будучи студенткой Московской консерватории, она позировала для фонтана. Она была первой профессиональной пианисткой в Туркмении. Табуретка, стулья служили коробки с книгами и партитурами. Валерия сказала: даю нам неделю, чтобы привести все в порядок. Сие было неукоснительно выполнено. Я к тому, что любовь — великая сила. Сегодняшний более-менее налаженный быт моей семьи целиком и полностью заслуга жены. Убежден, что на ее любви и вере держатся стены в нашей новой квартире.

Под конец встречи Мурад Атаевич, будто с тенью на лице, поведал такую историю. 6 января, сочельник, 16-00. Закончена одна из заключительных репетиций к юбилейному концерту, отложена в сторону партитура Первой симфонии Вели Мухатова. Невольно подумалось: как было бы хорошо послать студентам, старшеклассникам, а также посмотрим.

На другое утро Аннамаме дову позвонили из Туркмении: в четыре часа дня шестого января Вели Мухатов ушел из жизни. Перед смертью мудрый Вели дал наказ: «Пусть Мурад Аннамамедов сообщит всем, что меня больше нет». Дирижер решил не выполнять наказа. Мухатов остается для него, как Моцарт, Чайковский, Рахманинов, вечно живым.

Юлиан НАДЕЖДИН.